

О. Ю. Юхнина¹

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА И ОСВОЕНИЕ ОПЫТА «ДРУГОГО»

Культурная ситуация начала XXI века характеризуется сложностью и многозначностью. Среди наиболее обсуждаемых в современном культурологическом дискурсе — проблема «другого».

В историческом процессе можно наблюдать, как в пределах каждой эпохи отношения между «своим» и «чужим» меняются. Уже Новое время приносит совершенно иное понимание соотношения «своих»

и «чужих», в силу общения с этим «другим», иным становится и его восприятие. Этот процесс протекал в результате географических открытий, астрономических наблюдений, которые, меняя картину мира, давали представление о бесконечности, тем самым создавая возможности иного восприятия «чужого».

XX век, расширив временные и пространственные границы культуры, объединил в единое поле те культуры, которые отдалены во времени и географически.

Сегодня культурное пространство объединяет все человечество и, следуя идеям М. М. Бахтина, должно пониматься как «большой диалог», что обусловлено и современной культурной ситуацией. Возможность

¹ Заведующая кафедрой искусствоведения, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Стиль модерн как художественное явление в культуре XX века», «Современная архитектура в историческом пространстве Петербурга», «Новая жизнь промышленных зданий. Лофт-проекты Петербурга» и др.

диалога самостоятельных национальных культур, при сохранении их самобытности, уникальности, является особенностью культуры второй половины XX века, и именно в этом контексте понятен особый интерес к образу «другого». К. Н. Леонтьев писал «всякая нация тем и полезна другой, что она другая».

Постигая образ «другого», мы всегда должны помнить, что он «другой», не отрицать его, а найти точки соприкосновения. Своеобразие «своего» обретает специфику только в процессе общения и осознания «чужой» культуры.

Подобный опыт нам может дать любая культура, взаимодействуя с иными культурными пространствами и откликаясь на них и тем самым создавая образы «другого», «постороннего».

Русская культура, не являясь исключением, дает нам примеры открытости и диалогичности. Процесс подобного взаимодействия культур в России происходил именно в Санкт-Петербурге, отличительной чертой которого стала открытость «другому», желание понять его.

Взаимодействие с другими культурными традициями в пространстве Петербурга можно проследить в становлении и развитии архитектуры.

Уже в начале XVIII века, приобщаясь к европейскому градостроительному и архитектурному опыту, Санкт-Петербург как новая столица получает неизвестный прежде в русском градостроительстве регулярный план городского решения — невский трезубец ориентированных на Адмиралтейство улиц, образцовую застройку по «типовым» проектам для людей разных сословий.

При Петре I традиции европейской архитектуры были обозначены в начале голландско-немецким классицизмом, простым и прозаичным, трансформировавшимся в конце его царствования в некую вариативность барокко, названного «петровским», в зданиях Двенадцати коллегий, Большого дворца в Петергофе.

Традиции европейского барокко, более пышного, великолепного, парадного, получили развитие при Елизавете Петровне, в творчестве Ф. Б. Растрелли, удивительным образом сочетавшего в себе и некие черты классицизма (в строгости и прямолинейности планов), и собственно барокко (в динамике и пластике фасадов), и рококо (в причудливости узоров, цветовых решениях).

Архитектурный язык классицизма, получивший развитие в Петербурге времен Екатерины II, был сформулирован в Европе на исходе эпохи Возрождения и главной чертой имел обращение к формам античного зодчества с его идеями гармонии, строгости, монументальности и логической ясности. В постройках

Петербурга этот стиль сочетал строгость линий, а в начале своего становления и мягкую пластику. Постройки Ж.-М. Валлен-Деламота, А. Ринальди, Ю. М. Фельтена придавали особое изящество не только Петербургу, но и пригородам. Обращение к античности, к строгим ордерным решениям показывает черты героического и ужествленного стиля зрелого классицизма в зданиях Академии наук, Екатерининского института, Александровского дворца в Царском Селе архитектора Джакомо Кваренги.

Начало XIX века в Петербурге — время высококлассицизма, становление «русского», «петербургского» ампира. Стиль ампира, возникнув во Франции периода правления Наполеона I, отличался монументальностью, богатым декором, наличием военной символики и эмблематики и в свою очередь обращал нас к художественным формам Римской империи, Древней Греции, Древнего Египта. Этот стиль был призван воплотить идеи могущества власти и государственности, которые были реализованы в грандиозных ансамблях К. Росси, придавших Петербургу имперское величие.

Новые поиски николаевского времени, когда классицизм уступает место направлению, получившему название «эkleктика», самой сутью которого является использование элементов «исторических» архитектурных стилей (как своего, древнерусского, зодчества в традициях неорусского стиля, так и нового осмысления европейской архитектуры в формах неobarocko, неоготики, неоренессанса, неорококо) дают нам максимальную вариативность стилевых поисков европейской архитектуры XV–XVIII веков осмысленных в постройках Петербурга.

Конец XIX — начало XX века ознаменовались поисками нового стиля в архитектуре. Истоки петербургского модерна видятся в традициях западноевропейской архитектуры, с его асимметричностью, особой живописностью гнутых «растительных» линий, миром флоры и фауны и фантастическими образами, созвучными поискам символизма.

Особое звучание стиль модерн в Петербурге получил под влиянием шведской и, в большей степени, финской архитектуры национального романтизма, получившего название северного модерна.

Петербург своим появлением и развитием демонстрирует новый этап развития русской культуры, заявив об этом кардинальными изменениями во всех сферах жизни. Это было многогранное взаимодействие в области наук, искусства, образования, ремесла, архитектуры. Своеобразие Петербурга видится в том, что становление и развитие его культуры — это сознательная установка на культурный диалог, особенностью которого стала открытость «другому», желание его понять.